

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

Йосеф Бар-Йосеф

Это великое море

Пьеса в двух действиях

Перевод с иврита
Светланы Шенбрунн

ФТМ

УДК 820
ББК 84 (5Изр)-6
Й

*Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»*

*Перевод с иврита
Светланы Шенбрунн*

Йосеф Бар-Йосеф

Й Это великое море: Пьеса / Пер. с иврита
С. Шенбрунн. — М.: Агентство ФТМ, Лтд.,
2016. — 98 с. (Библиотека драматургии Агент-
ства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-2348-5

ISBN 978-5-4467-2348-5

© Перевод. С. Шенбрунн 2016
© Агентство ФТМ, Лтд., 2016

Действующие лица

Ноах Гринвальд — молодой адвокат, происходящий из ортодоксальной еврейской семьи, но порвавший с религией.

Пнина — его жена.

Эстер — сестра Пнины.

Йона — отец Пнины и Эстер, ортодоксальный иерусалимский еврей.

Эфраим — молодой сват.

Миша — инвалид без ног, недавно прибывший из Европы, **Рита** — его жена — соседи Гринвальдов.

Ализа — пожилая женщина из соседнего дома.

Бени — ее сын, сотрудник органов безопасности, использующий квартиру матери в своих целях.

Жак — помощник официанта, проживающий в мансарде на крыше соседнего дома.

Каббалист — чародей и мудрец.

Персонажи без слов:

Молодой Человек, прыгающий с парашюта набережной в песок.

Хозяин собаки, прогуливающийся на пляже.

Две девицы, блондинка и брюнетка, «секретарши» Бени.

Декорации:

Кусок тель-авивской набережной и пляжа; дом Каббалиста; квартира Ноаха и Пнины; двор дома, в котором они живут (просматривается из окон квартиры).

Действие происходит в Тель-Авиве вскоре после Второй мировой войны.

Действие первое

Картина первая

Морской берег, набережная, паранет с железной оградой; каменные ступени ведут вниз, на узкую полосу пляжа; на заднем плане — море.

Пятничный вечер, солнечный диск медленно склоняется к горизонту.

***Миша** на инвалидной тележке въезжает на набережную и начинает, выжимаясь на руках, спускаться по ступеням к берегу. В то же самое время **молодой человек** раз за разом прыгает с набережной в песок на берегу, взбегают по ступеням, делает гимнастические упражнения и снова прыгает. У самой кромки воды **человек с собакой** (видимый зрителю в основном со спины) играет, бросая собаке обломок вынесенной морем доски.*

***Ноах** и **Пнина** появляются на набережной, Ноах чуть ли не силой тянет жену в сторону пляжа.*

Пнина. Куда? Куда ты?..

Ноах. Сейчас увидишь!

Пнина. Поздно уже... Мне скоро зажигать свечи...

Ноах. Ничего! Успеешь.

Пнина. Дети... Где дети?

Подходят между тем к парпету, видят море.

Ноах (*торжественно*). Вот!

Пнина. Дети?..

Ноах. При чем тут дети? Смотри! Что это? Это что?

Пнина. Море, да?

Ноах (*в отчаянье, передразнивает ее*). Море, да?

Пнина. А разве нет? Это разве не море?

Ноах. Нет, это кошка.

Пнина. Я не понимаю...

Ноах. Невероятно! Невозможно поверить! В первый раз в жизни ты видишь море...

Пнина. Нет, почему же? Мы один раз ездили — летом, купаться, только я вдруг дорогой сделалась больна, не смогла сойти на берег, но издали я видела...

Ноах. Первый раз в жизни ты видишь море, и: «море — да»? Как будто... Как будто это и не море вовсе! Это море! Ты просто еще не постигаешь! Море — вот тут, возле самого дома, как будто в Иерусалиме от нас до твоей мамы, в двух шагах, можно в тапочках добежать, — и пожалуйста, море! Великое море! Крокодилы!.. Не понимаешь? Как будто лев у тебя под окошком!

Пнина (*тихонько смеется, его восторг умиляет ее*). Лев!..

Ноах. А как еще о нем скажешь? Это... Нет, тут никакие сравнения не подходят. Можно только наоборот: с ним сравнивать. Даже камни Храма — когда Мидраш хочет подчеркнуть их красоту, он говорит: как волны морские... Это не только море, это все, что там, дальше, за ним: Америка, Европа, весь огромный мир, все здесь, в этом воздухе... (*Сжимает ее руку, придвигается ближе к паркету.*) Прикоснись! Чувствуешь?

Пнина (*старается высвободить руку*). Нет... Пусто...

Ноах. Почему?..

Пнина. У меня руки... голые.

Ноах. У тебя руки... голые?..

Пнина. Да.

Ноах. Замечательно! Что ты ими чувствуешь, своими голыми руками?

Пнина. Твои руки...

Ноах. Оставь сейчас мои руки! Думай о море, прочувствуй его. Это величие, ширь, свободу! Всю эту синеву без края... Никаких тебе гор на горизонте, никаких преград, никаких мамы и папы и прочих дорогих родственничков, которые день и ночь талдычат, что и как ты должен делать! Я только взгляну — оно как будто внутри у меня — море — все открыто, все рвется наружу, все возможно!.. И такая безмерная жажда: делать, дарить, брать, хватать!..

Пнина (смеется, наслаждаясь его возбуждением). Что же тут брать? Одна вода. К тому же, я слышала, соленая. Вода да соль.

Ноах. Ах, ты слышала! Вода и соль!..

Пнина. Да, соленая вода. Эстер попробовала, когда купалась. И ничего кроме. Вообще ничего.

Ноах. В том-то и дело: ничего, поэтому все! Как микве ночью — никого нет, поэтому являются всякие духи и привидения. Разве не так?

Пнина. Это совершенно другое.

Ноах. Разумеется, совершенно другое. Здесь не привидения, здесь безграничные возможности. Корабли, люди, которые прибывают на этих кораблях из дальних стран, товары — экспорт-импорт, сделки, бизнес, деньги — огромные, бешеные деньги! — а заодно, уж конечно, и всякое жулье, авантюристы, грабители, судебные процессы — обвинители, адвокаты. И все это в нем, все в море — кишит, как рыба. Все указано и предназначено. И Ноах Гринвальд записан в одной из строк. В одной из волн... Иерусалимский тихоня, несчастный ешиботник, который вскоре, в наши дни, станет известным тель-авивским адвокатом! Большой корабль, рыба-кит, левиафан среди прочей мелкой рыбешки! Это называется «море», понимаешь?

Пнина смотрит на него, смеется.

Вот видишь! Оно и тебя начинает радовать. Оно всех затягивает. (Замечает, что Пнина вовсе не глядит в сторону моря.) Ты не смотришь?..